

**РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА.
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

УДК 929:27 + 902.2 ББК 83.3 (2 Рос.= Рус.) DOI 10.25986/IRI.2019.77.3.013

М. С. Черкасова

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия. mscherkasova@mail.ru

НОВЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КНИЖНОСТИ

(Усачев А. С. Книгописание в России XVI века. По материалам датированных выходных записей. М. – СПб.: Альянс-Архео, 2018. Т. 1. – 471 с.; Т. 2. – 525 с.)

Рецензия на книгу А. С. Усачева «Книгописание в России XVI века. По материалам датированных выходных записей» (М. – СПб., 2018).

Ключевые слова: рукописная книга, состав писцов, выходные записи, археография, текстология, комплексное исследование

Наши молодые ученые продолжают радовать своей продуктивностью. Не прошло и десяти лет после выхода в свет фундаментальной монографии Андрея Сергеевича Усачева о Степенной книге [Усачев], как на суд читателей он представляет свой новый большой двухтомный труд о книгописании в Московской Руси в XVI в. Обширная библиография авторских работ на эту тему (Т. 2. С. 450–452) показывает, как двухтомник вырос из множества изданных за последние годы статей, тезисов, выступлений на многочисленных конференциях. Вместе с тем автора отличает предельно уважительное отношение и пристальное внимание к работам своих предшественников и современников, общая высокая профессиональная культура. Книга А. С. Усачева обладает всеми атрибутами образцового научного труда — исследовательским текстом, публикацией источников, обширным научно-справочным аппаратом, цветными иллюстрациями и картами, summary.

Монографию не случайно предваряет обширная цитата Н. Д. Чечулина о важности изучения распространения книг в городах, местностях, у частных лиц, в небольших монастырях и церквях. В XVI в. книгопечатание в России делало только первые шаги, рукописная книга преобладала, поэтому важным является изучение ее переписки, распространения, практики хранения, функционирования в системе социальных связей той эпохи.

Автор справедливо отмечает междисциплинарность своего исследования, интегрирующего подходы истории — филологии — текстологии. В жанре двухтомника совмещаются монография, научно-справочное издание и публикация источников. Последняя дана во втором томе в виде ценнейшего Каталога датированных выходных записей выявленных русских рукописных книг XVI в. Все названное создает, я бы сказала, целостное и огромное информационное пространство, в котором научно-исследовательская и научно-археографическая ипостаси/половины (по объему практически равные) органично дополняют друг друга. Из просмотренного автором de visu корпуса

в 1000 рукописей было отобрано 709, что составляет 96,6 % от общего числа 734 рукописных книг, местоположение которых на сегодня известно.

Особое значение в информационной системе двухтомника А. С. Усачева имеют многочисленные таблицы. Так, в таблице 1 на с. 36–40 показано распределение 734 книг по архивохранилищам. Таблицами обобщаются, систематизируются эмпирические сведения, приведенные исследователем в данном параграфе или главе, и это важно с точки зрения логики изложения и удобства читательского восприятия. Только, полагаю, было бы не лишним всюду указывать названия таблиц, не ограничившись общим их списком в конце первого тома на с. 471. Там же после содержательного Заключения на с. 455–470 в таблице 28 показано хронологическое распределение 734 номеров рукописей по десятилетиям XVI в.

Прежние исследования книжности базировались главным образом на двух типах рукописных коллекций: 1) на наиболее крупных собраниях таких значительных монастырей, как Троице-Сергиев, Иосифо-Волоколамский, Кирилло-Белозерский, Соловецкий, Чудов и др.; 2) на наиболее крупных частных собраниях — Егоровском, Погодинском, Румянцевском, Цукинском. При этом задача выявления рукописных книг за пределами указанных собраний не ставилась. Автор значительно расширил источниковую базу, не ограничившись только хранилищами Москвы и Петербурга, но обратившись к нескольким десяткам фондов в 23 городах! Он привлек десятки личных собраний (во многом случайно образованных уже в Новое время — с. 409) с большей степенью разнообразия книжного репертуара в них и вместе с тем менее разработанных в научной литературе. Именно в личных собраниях Андрею Сергеевичу удалось выявить до двух третей датированных рукописных книг. И этот комплекс манускриптов оказался наиболее продуктивным для исследователя с точки зрения поставленных им задач, что позволило по-новому взглянуть на историю книгописания в России XVI в. (С. 447–448).

Автором были учтены также рукописные книги из зарубежных архивохранилищ, огромный массив научно-справочной литературы, сотни периодических, продолжающихся изданий, тематических сборников, а еще современные электронные каталоги. При этом Андрей Сергеевич признает несовершенство имеющихся описаний. Попутно ему удалось уточнить архивные шифры хранения ряда рукописных книг.

Исследователь сосредоточен не на сугубо книговедческих и кодикологических, а на малоизученных социальных аспектах книжности — местах переписки книг, персональном составе писцов и социальном статусе заказчиков. О тех и других в ряде случаев ему удалось собрать биографические данные. В монографии А. С. Усачева приведены интересные сведения о продолжительности работы книгописцев в течение их жизни (иногда до 30 и даже до 48 лет — таблица 18 на с. 323), очень значительном удельном весе среди них мирян, сроках переписывания книг (от 3 недель до 1,5–2 месяцев и от 2–3 до 5 лет — таблица 17 на с. 317–319), возрасте писцов (от 19–20 до 30–35 и даже до 70 лет), бытовых условиях их труда (С. 292), размерах его оплаты, расходах на приобретение бумаги и чернил (С. 254–256), о семейном характере книгописных работ, выполняемых, скажем, братьями, и наследовании профессии писца от отца к сыну, о совмещении книгописания с оформлением актов, а порой с иконописанием (С. 259–261, 263). Как показано в работе, происходила профессионализация работ по 1) книгописанию и 2) оформлению актов площадными подьячими (С. 301).

Автор предлагает такую классификацию заказчиков, оговаривая определенную степень ее условности: руководители церкви (архиереи и настоятели монастырей); иноки; представители белого духовенства; служилые землевладельцы; ряд лиц, социальный статус которых не удастся определить (С. 326). Правда, в таблице 15 на с. 282, обобщающей сведения о служилых землевладельцах как заказчиках книг, отмечены и подклучник, и дворцовый подьячий, и два пушкаря. Но это как раз

свидетельствует о разнообразии и богатстве собранных автором сведений, существенно расширяющих наши представления о рукописной книжности в системе социальных связей Московской Руси!

Выделены и коллективные заказчики, в качестве которых выступала братия того или иного монастыря либо группа наиболее авторитетных из них — соборных старцев (С. 425—428). А. С. Усачев верно намечает сопоставление их поименного перечисления с формуляром актов. Действительно, как мне не раз приходилось убеждаться, во многих вкладных записях, скажем, Спасо-Прилуцкого или Николо-Коряжемского монастырей систематически перечисляются их соборные старцы и братия. Имеются такие перечни и в актах других разновидностей, не вкладных. Картина коллективного заказа расширяется автором и за счет клира и прихожан отдельных церквей, профессиональных сообществ горожан (С. 428—440), что связывается с разными причинами, в том числе и немалой ценой книг в России той эпохи, которые легче было заказывать и приобретать вскладчину (С. 439, 445). Автором затронут вопрос и о «церковно-государственно-централизованном» распространении печатных книг, в связи с которым интересны приводимые им сведения об их использовании как антиграфов для книгописцев (С. 440—441).

В рецензируемой монографии органично представлены разноуровневые измерения рукописной книжности: общестатистические — региональные — микролокальные — и предельно «точечные», одним словом, генерализующие и индивидуализирующие методы исследования. Они выводят автора и читателя на крупные проблемы истории епархий и приходской структуры, общей численности монастырей и приходов в Русской церкви XVI в., демографических процессов в России, количественного распределения книг в монастырях и приходах (С. 441. Примеч. 501—507; С. 442—444). Внимание к коллективным и индивидуальным практикам приближает нас к тому, что вслед за французским культурологом Роже Шартье [Шартье] можно назвать: круг чтения, восприятие книги и текста, читательское сообщество, читательская деятельность как «молчаливое производство», само восприятие книги и чтения как явления культуры.

Из 734 изученных книг 65 % (477 единиц) автору удалось привязать к конкретной местности. Значительная часть рукописных книг происходила, как им установлено, с территории русского севера и Новгородской земли. Считаю, что с весьма трудной задачей географической локализации выходных записей на датированных манускриптах А. С. Усачев в целом успешно справился. Сделанные им наблюдения важны в том числе и в контексте формирования уездной структуры Русского государства в XVI в. Например, в 1540-е годы была предпринята попытка образования Тотемского уезда (на с. 183 первого тома к нему верно отнесены волости Сондога и Кулуй), хотя в дальнейшем эта территория описывалась в составе Устюжского уезда и лишь в 1620-е годы была вновь оформлена как самостоятельный Тотемский уезд. Мы видим, насколько длительным и нелинейным был процесс административно-территориального деления России (что связано с вопросами гражданского и церковного управления, центрального и местного аппарата) с ее огромной и растущей протяженностью.

Некоторые особо трудные случаи локализации оставлены А. С. Усачевым открытыми. Это, например, касается некоего Никольского монастыря «на Вологде» (Т. 1. С. 189—190; Т. 2. С. 140—141). В самой Вологде монастырь с таким названием как будто отсутствовал, но здесь важно учитывать, что иногда на севере монастырем могла называться и церковь, управляясь при этом игуменами. В данной записи смущает указание на новгородского архиепископа (в 1534 г. им был Макарий, будущий всероссийский митрополит), поскольку известно, что в 1492 г. церкви новгородской юрисдикции на Вологде были выведены из-под нее, включены в Пермско-Вологодскую епархию. Действительно, вопрос этот нуждается в дальнейшем изучении, но в том-то и увлекательность научного поиска, к которому автор на страницах своей монографии постоянно приглашает/привлекает читателя.

Много новых сведений о заказчиках приведено автором в 4-й главе, и это имеет большое значение для уточнения ряда историко-культурных и историко-церковных вопросов в целом. При этом выявлены и подробно прокомментированы новые и исключительно интересные с точки зрения культурных связей факты, скажем, о торговом иноземце (англичанине Томасе Иванове) в качестве заказчика Часослова 1588 г. (С. 413–416). Вообще весь обширный пласт «социального материала», выявленного автором, проанализированного по множеству дополнительных источников (а это весьма кропотливая и трудоемкая работа), в 4-й главе первого тома я считаю самым интересным и существенно расширяющим общие горизонты социальной истории России эпохи Средневековья и его культурного измерения.

В методике работы А. С. Усачева интересны и важны моменты сравнения выходных записей одного писца в разных рукописях, например: Иоасаф Хохолек — с. 233, Боголеп Губа — с. 223, дяк Васюк — с. 259. Утраченные фрагменты выходных записей восстанавливаются автором по отрывкам других записей; сравниваются формуляры выходных записей (С. 240), учитываются наблюдения лингвистов о диалектных особенностях русского языка в разных регионах (С. 237–238). Монография густо населена людьми — это и великий князь Василий III, и царь Иван IV, и знаменитые церковные иерархи, и скромные провинциальные дячки, книгописцы, имена и записи которых автором «изъяты» из тьмы веков...

В книге мне импонирует самокритичность ученого — признание им заведомой неполноты, фрагментарности, мозаичности своей источниковой базы, невозможности восстановления *полной* картины книгописания, безукоризненной точности подсчетов (С. 444–445, 447, 453–454). При этом можно создать (и Андрей Сергеевич успешно делает это) модель, в которой ключевыми составляющими становятся география переписки, писцы и заказчики, выяснение и сопоставление социального статуса тех и других. В этом плане можно было бы обратиться к шкале штрафов «за бесчестье», приводимой в царском Судебнике 1550 г., но особенно дифференцированно — в севернорусском Судебнике 1589 г., а еще, конечно, в Соборном уложении 1649 г.

Всякий раз, высказывая свою гипотезу, исследователь не исключает и каких-то других объяснений, иногда эскизно их намечая (С. 225). Последующие пути изучения данной проблематики он связывает с кодикологическим изучением рукописей, а еще искусствоведческим анализом заставок, орнаментов (С. 235, 252, 254, 387).

Некоторые замечания и пожелания. На с. 215 в примеч. 79 приведены сокращения, практикуемые автором в таблицах. Полагаю, что для читателя удобнее было бы увидеть эти сведения выше по тексту первого тома. На приложенной к первому тому монографии крупной цветной карте (выполненной А. А. Фроловым на основе материалов А. С. Усачева) Сухонская треть отнесена к Сольвычегодскому уезду. На самом же деле она входила в Устюжский уезд, который в ходе писцовых работ традиционно делился на Сухонскую, Южскую и Двинскую трети. Однако Сольвычегодский (Усольский) край практически до 1620-х годов тоже относился к Устюжскому уезду, а еще ранее — Устюжской земле. Наименование *Великий Устюг* (С. 84–85) ранее начала XVII в. применительно к Устюгу, насколько мне известно, еще не использовалось. Автора ценного историко-географического атласа «Русский Север: Пространство и время» (Архангельск, 2010) А. С. Усачев всюду упоминает как Д. Семушкина, тогда как он — Д. Семушин. Не всегда грамматически корректно слитное написание «тоже время» (С. 41. Примеч. 135; С. 196; С. 222. Примеч. 106; С. 447): поскольку *то* — указательное местоимение, требуется раздельное написание.

Дмитровский Николо-Песношский монастырь автором всюду называется Пешношским, но, по-моему, привычнее первое название — через «с», а не «ш». Не уверена также, что костромской Железоборовский монастырь (по месту — Железный Борок близ г. Буя) следует называть

Ияковским, опять-таки привычнее — Иоанно-Предтеченский (Рождества Иоанна Предтечи). Именно такое его название отмечено в научной литературе, приводится П. М. Строевым. Николаевский на Выксе монастырь неверно относить к числу вологодских (С. 370. Примеч. 188). В списках монастырей Вологодской епархии он не упоминается, являясь, скорее всего, белозерским или пошехонским. В справочнике П. М. Строева он, правда, по более поздним данным, отмечен как приписной к Череповецкому Воскресенскому и отнесен к Ярославской епархии.

Однако все эти мелкие «придирики» не могут омрачить общего благоприятного впечатления от двухтомной капитальной работы А. С. Усачева. Им был представлен весьма полезный для научного сообщества исследовательский, научно-методический опыт, причем сделано это предельно профессионально, гибко, диалектично. ТАКАЯ книга станет важным отправным пунктом в дальнейшем научном творчестве самого автора. ТАКОЙ книге суждена большая жизнь в науке, она заслуживает самого высокого одобрения и более специального анализа архивистами, источниковедами, книговедами, лингвистами, историками культуры, вносит значительный вклад в социокультурное (и не только) изучение Руси и будет также важна в образовательной, вузовской сфере.

Литература

Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009.

Шартье Р. Письменная культура и общество / Пер. с франц. М., 2006.

References

Shart'e, R. Pis'mennaya kul'tura i obshhestvo [Written Culture and Society] / Per. s frants. M., 2006.

Usachev, A. S. Stepen'naya kniga i drevnerusskaya knizhnost' vremeni mitropolita Makariya [The Book of Royal Degrees and Old Russian Book Culture of the Time of Metropolitan Makarii]. M.; SPb., 2009.

Marina. S. Cherkasova
Vologda State University, Vologda, Russia

A NEW WORK ON THE HISTORY OF THE RUSSIAN MANUSCRIPTS

(Usachev A. S. Knigopisanie in Russia of the 16th Century. On Materials Dated Output Records. M. – SPb.: Aliance-Archeo, 2018. T. 1. – 471 p.; T. 2. – 525 p.).

Book review: “Knigopisanie in Russia of the 16th Century. On Materials Dated Output Records”. (M. – SPb., 2018).

Keywords: manuscript book, composition of the scribes, output records, archaeography, textual criticism, comprehensive research

